
INTRODUCTION

UDK: 811. 111. 26

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-7-25

DISCOURSE ANALYSIS IN THE 21ST CENTURY: THEORY AND PRACTICE (I)

**Douglas Mark Ponton,
Tatiana Larina**

University of Catania
*1 Viva Cava Gucciardo Pirato,
97015 Catania, Italy*

RUDN University
*6 Miklukho-Maklaya str.,
117198 Moscow, Russia*

INTRODUCTION

Unflagging research interest in discourse encouraged us to devote a special issue to the topic and invite leading Russian and foreign experts to exchange their ideas and provide answers to existing questions or put new ones. Due to the positive response, our idea will be implemented in two issues of the journal, that will give us the opportunity to present the reader the ideas of scholars from different universities and countries of the world. The two editions will cover theoretical aspects of discourse analysis, and include practical examples of the application of a wide variety of methodological approaches and tools.

Discourse analysis is, by now, a consolidated research paradigm, one that interests a broad spectrum of disciplines across the social sciences. Among other fields, it is currently found in critical theory, economics, history, sociology, philosophy and social psychology besides, of course, lin-

---

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 811. 111. 26

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-7-25

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В 21 ВЕКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (I)

**Дуглас Марк Понтон,
Т.В. Ларина**

Университет Катании
*97015 Италия,
1 Viva Cava Gucciardo Pirato*

Российский университет дружбы народов
*ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
г. Москва, Россия, 117198*

ВВЕДЕНИЕ

Неиссякаемый исследовательский интерес к дискурсу побудил нас посвятить специальный выпуск журнала данной теме и пригласить ведущих российских и зарубежных специалистов обменяться идеями и дать ответы на существующие вопросы или поставить новые. Благодаря активному отклику авторов, которым мы выражаем огромную благодарность, наша идея будет воплощена не в одном, а в двух номерах журнала, что даст нам возможность максимально широко представить вам, нашим читателям, идеи ученых из разных университетов и стран мира, которых объединяет дискурс. В них будет рассмотрен ряд теоретических вопросов и подходов к анализу дискурса, а также показано их применение на практике.

В настоящее время дискурс-анализ представляет собой консолидирующую исследовательскую парадигму, к кото-

guistics. What is meant by ‘discourse analysis’ is clearly a relevant question, especially since the notion of discourse is itself distinguished by imprecision, its meaning varying according to the specific context in which it is found.

An interesting account of the development of the term from its common or garden sense to its use within linguistics can be found in Mills (1997). She explains that, within linguistics, discourse has been seen by some as exemplifying language in use, as opposed to language as systematic structure (Brown and Yule 1983). This opinion is shared by those Russian linguists who define discourse as ‘text, immersed in life’ (Arutyunova 1998), or text in a situation of communication (Karasik 2002). The size of the language sample is important for others (Sinclair and Coulthard 1975), while a more contemporary note is sounded in the views of certain unspecified ‘mainstream linguists’, who believe that discourse is defined by the context of occurrence of certain utterances (thus, the discourse of religion, the discourse of advertising, etc.). These contexts of production of texts will determine the internal constituents of the specific texts produced (Mills 1997: 9).

In fact, as Jørgensen and Phillips (2002: 1) suggest, the term as currently used within linguistics generally indicates the structuring of language according to the different patterns found in people’s utterances, across the many different domains of social life. It is generally accepted that discourse is determined by context, which generates text and determines its structure. Context needs to be understood in its broadest sense and includes *actual situational context* (or external context), e.g. situational communication conditions, *psychological context* (or internal context) — psychological factors influencing

рой, помимо лингвистики, проявляет интерес широкий круг социальных дисциплин — экономика, история, социология, философия, культурология и социальная психология. Вопрос о том, что понимается под термином «дискурс-анализ», продолжает оставаться дискуссионным, как и само понятие «дискурс» не имеет однозначного определения и варьирует в зависимости от контекста, в котором оно употребляется.

О развитии данного термина — от его общего значения до значения, используемого в лингвистике, пишет Сара Милс (Mills 1997). Она поясняет, что в рамках лингвистики дискурс рассматривается как язык в его функционировании, в отличие от языка как системы (Brown, Yule 1983). Этому же мнения придерживаются и российские лингвисты, которые определяют дискурс как «текст, погруженный в жизнь» (Арутюнова 1998) или текст в ситуации общения (Карасик 2002).

Общепризнанным является утверждение о том, что дискурс определяется контекстом, который порождает текст и определяет его структуру. При этом контекст понимается в самом широком смысле этого слова как «любой фактор — лингвистический, физический, общественный, — который влияет на интерпретацию лингвистических знаков» (Кечкеш 2014: 8). Он включает *ситуативный контекст* (или *внешний контекст*) — это ситуативные условия коммуникации, *психологический контекст* (или *внутренний контекст*) — психологические факторы, влияющие на процесс коммуникации и *преконтекст* — весь прежний опыт участников взаимодействия (Ларина 2017: 31). Как отмечает И. Кечкеш, пре-контекст основывается на нашем преды-

the process of communication and *prior context*. As Kecskes notes, “prior context is based on our prior experience, so it develops through the regularity of recurrent and similar situations, which we tend to identify with given contexts” (Kecskes 2014: 215). He points out that through the interplay of prior context and actual situational context, individual and social factors of communication are intertwined (ibid.: 133). Van Dijk distinguishes between micro-contexts, which may represent to face-to-face communicative situations (parliamentary speech or debate) and macro-contexts (parliament as an institution or democracy as a system) (Van Dijk 2009: 250). Culture is also a context of communication. In intercultural interaction it is the most important extralinguistic factor, which impacts communicative behavior of a community and shapes communicative ethno style (Larina 2015).

Within discourse studies a prominent position is currently occupied by schools of so-called ‘critical discourse analysis’ (e.g. Wodak 2001, Fairclough 2001, Van Dijk 2003, etc.), which involve the concept of power in their picture of the operations of language. Fairclough’s (2001: 14) definition of discourse as “language as social practice determined by social structures” emphasises the interconnectedness of language and society, and for critical discourse analysts generally, it is axiomatic that language and society are mutually constitutive (Verdoolaege 2008: 43, Resta 1998: 6).

To take an example, familiar from the work of Michel Foucault (1963), the lexicogrammatical elements used by a doctor in an interview with a patient are determined by specific features of the context, and constitute a discourse whose semantics relate to the following domains: symptoms, the body, diagnosis, prognosis, therapy, treatment, cure, medicines/drugs, etc. As

душем опыте, он развивается через регулярно повторяющиеся аналогичные ситуации, которые мы связываем с текущей ситуаций (Kecskes 2014: 215). Ван Дейк предлагает различать микро-контекст, который имеет место в ситуациях межличностной коммуникации (например, парламентская речь или дебаты), и макроконтэкстах (парламент как институт или демократия как система) (Van Dijk 2009: 250). Культура также является контекстом. В межкультурном взаимодействии она выступает важнейшим экстралингвистическим фактором, который определяет коммуникативное поведение и формирует этнокультурный стиль коммуникации (Ларина 2009).

Одним из наиболее значимых направлений исследований дискурса является «критический дискурс-анализ» (Wodak 2001, Fairclough 2001, Van Dijk 2003, 2009 и др.), который включает понятие *власть* и анализирует то, как власть оперирует языком. Н. Фейрклаф в своем определении дискурса как языка социальной практики, определяемого социальными структурами (Fairclough 2001: 14), подчеркивает взаимосвязь языка и общества, что для исследователей критического дискурса-анализа является аксиомой (Verdoolaege 2008: 43).

Возьмем известный пример из работы Мишеля Фуко (Foucault 1963), где он отмечает, что лексика и грамматика, используемые врачом в беседе с пациентом, определяются конкретными условиями контекста и представляют собой дискурс, который включает слова следующих тематических групп: симптомы, тело, диагноз, прогноз, терапия, лечение, лекарство и т.д. Кроме того, как отмечает Н. Фейрклаф, в диалоге врач—

Fairclough (2001: 2) points out in his discussion of the doctor-patient context, power relations are also an implicit part of the interaction: the doctor occupies the role of 'expert', able to affect the patient's life because of his special knowledge. These power relations indicate the presence of a hierarchical social structure that transmits the effects of choices at a political level throughout all strata of society.

To sum up, it is plain that discourse analysis can never be a single approach, but should rather be seen as a series of interdisciplinary approaches, which can be used to explore many different social domains, in many different types of studies. We will expect a critical discourse analyst to involve the notion of social power in their exploration of the specific discourse under examination, while this may be absent from studies that are more interested in exploring features of language at a textual, grammatical or semantic level.

This issue is divided into two sections, the first being a series of papers, by prominent Russian and Western scholars, that contain theoretical considerations relating to the current state of the art; the second contains some papers that apply a variety of theoretical notions to the specific field of political discourse analysis.

THEORETICAL ASPECTS OF DISCOURSE ANALYSIS

The first paper is by the well-known American linguist **Istvan Kecskes**, whose book *Intercultural pragmatics* (2014) we earlier presented to our readers in the review by Svetlana Kurteš (2015). In the article he has written for our special issue, he explores the pragmatics of dialogical interaction, developing a model

пациент имплицитно присутствует неравенство в отношениях: врач выполняет роль «эксперта», способного повлиять на жизнь пациента в силу его профессиональных знаний (Fairclough 2001: 2). Это неравенство в отношениях указывает на наличие иерархической социальной структуры, воздействующей на выбор, во всех слоях общества.

Таким образом, исходя из рассмотренных определений дискурса, очевидно, что дискурс-анализ не может быть ограничен единым подходом. Он должен рассматриваться как ряд междисциплинарных подходов, которые могут быть использованы для изучения различных социальных сфер в различных типах исследований. Что касается понятия власти, то, на наш взгляд, оно прежде всего необходимо для исследований в области критического дискурс-анализа при изучении специального типа дискурса.

Предлагаемый вашему вниманию выпуск журнала состоит из двух частей. Первая содержит самые последние теоретические наработки по рассматриваемой проблеме ведущих российских и зарубежных лингвистов, во второй представлены статьи, в которых показаны возможности применения различных подходов к анализу политического дискурса.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Открывает наш номер статья известного американского лингвиста **Иштвана Кечкеша** (Олбани, США), с последней книгой которого (Kecskes 2014) мы уже ранее знакомили наших читателей через рецензию С. Куртеш (Kurteš 2015). В статье «*A dialogic approach to pragmatics*» («Диалогический подход к прагматике»), написанной для нашего

for the analysis of such discourse based on understanding the roles and local knowledges of both speaker and hearer. Prof Kecskes has already introduced his Dynamic Model of Meaning to our readers, which explains how actual communicative meaning is created, emphasizing the interplay between prior context encoded in the words used in the utterance and the actual situational context in which the interaction takes place (Кечкеш 2014). In his article for this issue he develops his idea. The aim of this paper is to direct attention to how a dialogue approach can lead to better understanding of actions of interlocutors in communication. Instances of dialogical communication may see speaker and hearer engaged in processes of deduction, repair and adjustment to what they perceive as important for the other. The writer explores these notions, exemplifying their operation across a variety of spoken data, suggesting that a pragmatic, dialogical model may aid us to appreciate important nuances in verbal communication. The paper also explores intercultural aspects of the semantic/pragmatic dimension, arguing that in non-native speaker interaction it is imperative that there is a close correspondence between utterance and intention, or the lack of shared knowledge between speaker and hearer may rule out the possibility of communication. A key concept, in Kecskes' view, is Giora's notion of 'graded salience' (Giora 2003), which refers to the information that the hearer assumes to be central for the speaker when s/he produces the utterance. Misunderstandings may arise because of the private and cultural speci-

специального выпуска, он исследует прагматику диалогического взаимодействия, предлагая разработанную им модель для анализа такого дискурса, основанную на понимании ролей говорящего и слушающего и их общих знаниях. Профессор Кечкеш уже знакомил наших читателей с разработанной им динамической моделью значения, которая описывает то, как актуальное коммуникативное значение порождается в результате столкновения закодированных в лексических единицах «старых», предыдущих контекстов и актуального ситуативного контекста, в котором это высказывание употребляется (Кечкеш 2014). В данной статье он развивает эту идею. Цель статьи — показать, как диалогический подход к прагматике может способствовать лучшему пониманию собеседников в коммуникации. На различном языковом материале он демонстрирует, как прагматическая диалогическая модель может помочь оценить важные нюансы вербальной коммуникации. В статье также рассматриваются межкультурные аспекты семантики и прагматики, отмечается, что, когда в процессе коммуникации участвуют не носители языка, должно быть четкое соответствие между высказыванием и намерением говорящего, иначе отсутствие общих фоновых знаний между говорящим и слушающим может исключить возможность коммуникации. Ключевым понятием, по мнению Кечкеша, является понятие *градуированной выделенности*, или *градуированной значимости* ('graded salience') (Giora 2003), которое относится к информации, являющейся, по мнению слушающего, основной для говорящего в момент произнесения им высказывания. Непонимание может возникнуть из-за ее индивидуальной и культурной специфики, т.е. когда значимость определяется личными и культурно-специфическими

fic nature of salience, particularly for L2 speakers, who have less background knowledge in common. Because of the complexity of the cognitive processes involved in verbal communication, the author argues, approaches based on the analysis of the utterance alone necessarily provide an incomplete picture.

Some of the historical phases in the development of discourse analysis are revisited by **Laura Alba-Juez**, the author of significant contributions to discourse analysis and pragmatics (Alba-Juez 2009, Alba-Juez, Mackenzie 2016) who is already familiar to the readers of our journal (Alba-Juez 2014). She explains its origins in Text Linguistics, an analytical paradigm current in the 1970s and 80s, and cites De Beaugrande and Dressler's (1981) work, which defined text as a communicative event that must satisfy seven criteria, the first two of which (cohesion and coherence) may be defined as text-internal, and the remaining five (intentionality, acceptability, informativity, situationality, and intertextuality) as text-external. While the former still constitute valid objects for research in other traditions within linguistics, it is the necessity to account for the role of the latter in linguistic description that is relevant in the emergence of discourse analysis as the multi-faceted, cross-disciplinary tool we recognise today. The term 'discourse', she writes, includes both 'text' and 'context', the latter encompassing social, cultural and emotional aspects. Thus, a separation begins to appear, between studies of 'text' (which focus on aspects such as cohesion and coherence, for example) and those of 'discourse', which becomes

смыслами, особенно когда в диалоге участвуют не носители языка. Автор утверждает, что из-за сложности когнитивных процессов, имеющих место в речевой коммуникации, подходы, основанные исключительно на анализе самих высказываний, непременно приведут к неполному их пониманию.

Лаура Альба-Хуэс (Мадрид, Испания), автор известных публикаций по рассматриваемой проблеме (Alba-Juez 2009, Alba-Juez, Mackenzie 2016 и др.), которая также знакома нашим читателям (Alba-Juez 2014), в своей статье "*Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation*" («Дискурс-анализ и прагматика: область исследования и взаимосвязь») дает обзор этапов развития дискурс-анализа, который берет свое начало в лингвистике текста, аналитической парадигме 1970—1980-х гг. Она ссылается на исследователей, определявших текст как коммуникативное событие, которое должно удовлетворять семи критериям, первые два из которых (связность и согласованность) могут быть определены как внутритекстовые, а остальные пять (интенциональность, доступность, информативность, ситуативность и интертекстуальность) как внешние (De Beaugrande, Dressler 1981). Автор отмечает, что, хотя первые два критерия по-прежнему представляют собой важные объекты традиционных лингвистических исследований, последние необходимо учитывать в лингвистических описаниях, имеющих отношение к дискурс-анализу как к признанному на сегодняшний день многогранному междисциплинарному инструменту исследований. Термин «дискурс», как отмечается в статье, включает в себя «текст» и «контекст», охватывающий социальные, культурные и эмоциональные аспекты. Таким образом, намечается различие между исследованиями «текста»

a broader term, within whose parameters are included social, cultural and historical factors, as well as features of the specific interactive context. The main aim of the paper is to disambiguate the two terms ‘Discourse Analysis’ and ‘Pragmatics’, which can almost seem to be conflated, especially in descriptions from the European Continental school. They speak of pragmatics, for example, as “the scientific study of all aspects of linguistic behaviour” (Bublitz and Norrick (2011: 4). Proponents of the Anglo-American school, by contrast, are more likely to see pragmatics as one of the core components of a linguistic theory, along with phonetics, phonology, morphology, syntax and semantics. The writer’s conclusion places pragmatics within the developing tradition of discourse analysis, as an indispensable part of the analyst’s toolkit.

Discourse-analysis is one of the most rapidly developing fields of research in Russian communicative linguistics (Budaev, Chudinov 2006, Bobyрева 2007, Demyankov 2005, Dubrovskaya 2010, Karasik 2002, Kashkin 2010, Lutovinova 2009, Makarov 2003, Olyanich 2004, Savitsky 2013). However, there is no common understanding of discourse, nor is there any single classification of types of discourse. At our request, one of the leading Russian linguists in the field, **Vladimir Karasik**, contributed an article for this special issue, in which he summarized the existing approaches to the classification of types of discourse and systematized them on the basis of five dimensions — the content of communication, its typical participants, tone, channel and com-

(которые сосредоточены на таких аспектах, как связность и согласованность) и исследованиями «дискурса», который является термином более широкого плана, включающим социальные, культурные и исторические факторы, а также особенности конкретного интерактивного контекста. Основной целью статьи является устранение неоднозначности терминов *дискурс-анализ* и *прагматика*, которые практически не разграничиваются, особенно в исследованиях европейской континентальной школы, где отмечается, например, что прагматика — это научное исследование всех аспектов языкового поведения (Bublitz и Norrick 2011: 4). Сторонники англо-американской школы, напротив, более склонны видеть прагматику в качестве одного из основных компонентов лингвистической теории, наряду с фонетикой, фонологией, морфологией, синтаксисом и семантикой. Автор делает вывод о том, что развивающаяся теория дискурс-анализа включает в себя прагматику как неотъемлемую часть инструментария аналитика.

Дискурс-анализ представляет собой одно из наиболее активно развивающихся направлений и в российской коммуникативной лингвистике (Будаев, Чудинов 2006; Бобырева 2007, Демьянков 2005, Дубровская 2010, Карасик 2002, Кашкин 2010, Лутовинова 2009, Макаров 2003, Олянич 2004, Савицкий 2013, Седов 1999, Слышкин 2000, Тюпа 2010, Чернявская 2012, Шейгал 2004 и многие др.). Однако, несмотря на наличие большого количества работ, в русской дискурсологии так же нет ни единого понимания дискурса, ни единой классификации. По просьбе нашего журнала один из ведущих российских дискурсологов — **В.И. Карасик** (Волгоград, Россия) — написал для этого специального выпуска статью «*Дискурсивное проявление личности*», в которой, обобщая

municative actions. On this basis, he suggests five main approaches to discourse: Topic Approach, Subject Approach, Tonality Approach, Regime Approach and Action Approach. These approaches are determined by the functions of speech, and the models of the communicative situation developed in linguistics and other fields of human knowledge (Bakhtin, Habermas, Lotman and Halliday), and once again illustrate the multidimensional nature of discourse. The author argues that they complement each other and make it possible to synthesize the results achieved in Text Linguistics, Pragmatics, Social Linguistics, and Discourse Studies.

Natalya Klushina's article poses another problem, indicating the interdisciplinary nature of discourse-analysis and its links with other fields, in this case with Stylistics, which, from its original functional orientation, took a communicative turn in the late twentieth century. The author notes that the emergence of communicative stylistics in the Russian humanities provoked "competition" between the two communication disciplines — traditional stylistics and Western discourse-analysis, which share a common subject of study (text), the general vector of its study (which is communicative), but have different methods of analysis and different terminology systems. These tend to be an eclectic mixture, not adequately delimited, and this blurs the boundaries of these disciplines (see [Vorontsova 2015, Khazagerov 2014 and others]). According to the author, this is the main problem of the coexistence of media stylistics and discursology in one scientific field, that

существующие подходы к классификации типов дискурса, систематизировал их на основе пяти параметров — содержания общения, его типовых участников, тональности, канала и акциональной природы. В результате им были выделены пять основных подходов к дискурсу: тематический, субъектный, инструментальный, режимный и акциональный. Эти подходы, объединяющим центром которых является дискурсивная личность — человек как участник общения, обусловлены функциями речи и разработанными в лингвистике и других областях гуманитарного знания моделями коммуникативной ситуации (М.М. Бахтин, Ю. Лотман, J. Habermas, M. Halliday) и в очередной раз демонстрируют многомерную природу дискурса. Они взаимодополняют друг друга и дают возможность синтезировать достижения лингвистики текста, социолингвистики, прагмалингвистики и собственно теории дискурса.

Н.И. Клушина (Москва, Россия) в своей статье «*Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации*» ставит еще одну проблему, свидетельствующую о междисциплинарном характере исследований дискурса и его связи с другими направлениями, в данном случае со стилистикой, которая в конце XX в. совершила поворот от функциональной стилистики к коммуникативной. В результате появления коммуникативной стилистики в российской гуманитарной науке, как отмечает автор, возникла «конкуренция» двух коммуникативных дисциплин — традиционной стилистики и западной дискурсологии, которые имеют общий предмет исследования (текст), общий вектор его изучения (коммуникативный), но разные методы анализа и разный терминологический аппарат, которые эклектически смешиваются и не разграничи-

of Russian and — increasingly — of Slavic linguistics too. The article notes the absence of the strict understanding of style, and discourse, as well as a distinct classification of discourses, except for a generally accepted division of discourses into institutional and non-institutional (Karasik 2002). The author emphasizes the importance of the notion of discourse for stylistics, and concludes that integration of methods might contribute to a better understanding of a modern media text and give a new impetus to the development of Russian and Slavonic stylistics in a communicative perspective.

E.A. Krasina also pays attention to the integrative ability of discourse, emphasizing that the notion of discourse promotes the integration of humanities research in linguistics and other fields of knowledge. The author considers discourse as a component of social and cultural interaction, which is a complexity of linguistic form, meaning and action, i.e., communicative event or act. The goal of her paper is to outline the conditions of interaction and correlation of discourse, speech act and utterance as linguistic constructions, as well as to reveal some of their similarities and differences and illustrate the importance of the constructive role of the utterance as a minimal unit of speech production.

Vadim Dementyev's contribution is an exploration of the study of speech genres within the discourse analysis paradigm. Different speech genres are classified, and speech genres are discussed in different types of discourse. The article is of special interest for our

ваются, что размывает границы данных дисциплин. По мнению автора, в этом заключается основная проблема сосуществования стилистики и дискурсологии в одном научном поле русской и — шире — славянской лингвистики. В статье отмечается отсутствие строгого разграничения терминов *стиль* и *дискурс*, как и строгой классификации дискурсов, за исключением общепризнанного деления дискурсов на институциональные и неинституциональные (Карасик 2002). Автор подчеркивает важность для медиа стилистики понятия *дискурс* и делает вывод о том, что в современных коммуникативных и лингвистических исследованиях возможна интеграция методов дискурс-анализа и стилистики, что будет способствовать более глубокому пониманию медиа текста.

На интегрирующую способность дискурса обращает внимание и **Е.А. Красина** (Москва, Россия). В своей статье «*Дискурс, высказывание и речевой акт*» она подчеркивает, что и в лингвистике, и в других областях знаний понятие *дискурс* способствует интеграции гуманитарных исследований. Автор рассматривает дискурс как компонент социокультурного взаимодействия, который представляет собой сложное единство языковой формы, значения и действия, т.е. коммуникативного события или акта. Цель ее статьи — определить условия взаимодействия и соотношения дискурса, речевого акта и высказывания как лингвистических конструкторов, выявить их отличительные и сходные свойства.

В.В. Дементьев (Саратов, Россия) исследует речевые жанры в рамках парадигмы анализа дискурса в статье «*Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis Paradigm*» («Жанры речи и дискурс: место жанроведческих исследований в парадигме дискурсивного анализа»). Данная статья

bilingual issue because it shows how the tradition of Russian text analysis, culminating with Bakhtin's work on speech genres, may be seen in terms of a comparison with Austin's well-known work on speech act theory. Dementyev discusses points of contact between the notions 'genre' and 'speech act'. Though there are similarities, the author notes that extended spoken genres such as the lecture, discussion or conversation may not be readily assimilated to the notion of speech act. The genres are then classified under a series of headings, according to the kind of discourse in which they appear, for example: environmental, political, medical, religious, etc. As in Kecskes' paper, there is an emphasis on the dialogical dimension of speech. The author finds that the main task of the current trends in discourse-analysis is to find 'an adequate model of real dialogical speech communication', and for this he proposes Speech Genre Theory as a possible solution.

POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS

The second part of the issue contains a series of chapters that deal with themes of political discourse analysis. **Douglas Mark Ponton**, who is also already familiar to our readers (Ponton 2014), attempts to outline an integrated model for the analysis of political discourse. The chapter looks back across some of the high points in the development of political discourse analysis, in order to assess the current state of the field. It also has a future focus, as it attempts to integrate insights from some emerging fields, such as multimodality,

представляет особый интерес для нашего двуязычного номера журнала, так как показывает, как русская научная традиция анализа текста, кульминацией которой являются работы М.М. Бахтина о речевых жанрах, может рассматриваться в сравнении с известной работой Дж. Остина по теории речевых актов. В.В. Дементьев обсуждает точки соприкосновения между понятиями «речевой жанр» и «речевой акт». Автор отмечает, что, хотя между ними есть сходство, расширенные речевые жанры, такие как лекция, дискуссия или беседа, не могут быть приравнены к понятию речевого акта. Жанры далее классифицируются в соответствии с типами дискурса, среди которых экологический, политический, медицинский, религиозный и др. Как и в статье И. Кечкеша, акцент делается на диалогическом измерении речи. Автор приходит к выводу, что главной задачей всех актуальных направлений дискурс-анализа остается поиск адекватной модели реальной диалогической речевой коммуникации, и теорию речевых жанров он предлагает в качестве возможного решения этой задачи.

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Второй раздел номера содержит ряд статей, посвященных анализу политического дискурса. Открывает раздел **Дуглас Понтон** (Катания, Италия), который также уже знаком нашим читателям (Ponton 2014). В статье "*Movements and Meanings: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis*" («Слова и жесты: интегративный подход к анализу политического дискурса») он пытается наметить интегрирующую модель для его исследования. В статье рассматриваются основные этапы анализа политического дискурса с целью оценить текущее состояние данной исследователь-

with more consolidated approaches. The author quotes Fairclough and Fairclough (2012), in support of his claim that persuasion is the most pervasive function of all political discourse, and claims that there is general agreement that the processes involved encompass both textual and non-textual features. Atkinson's *Our Masters' Voices* (1984) is cited as a key work that describes non-verbal aspects of persuasive rhetoric such as the speaker's voice quality, intonation, posture, body language, eye movements, and so on. As influential as this work was, however, these features have tended to be omitted from many subsequent accounts of persuasion in political rhetoric, which have concentrated on features of argumentation operating at a strictly textual level. The overall aim of the chapter is to suggest pathways towards the ambitious goal of developing a usable, integrated model for analysing political discourse. Instead of analysing a single feature such as metaphor, parliamentary insults, evaluative language or humour — all of which have been the subject of considerable research in the field — the model attempts to combine descriptions of textual and non-verbal/multimodal features of political discourse, in order to provide a practical tool for analytical purposes, and a coherent account of possible pragmatic effects. The model is exemplified in an analysis of Bill Clinton's address to the American people on the Lewinsky scandal.

Three subsequent articles are timely, in the light of recent political events, since they analyse speeches of the candidates for the US presidency in the election campaign of 2016.

ской области. Автор предлагает перспективный подход, пытаясь интегрировать идеи из некоторых новых областей, как, например, мультимодальность, с уже утвердившимися подходами. Автор отмечает, что убеждение является самой распространенной функцией всего политического дискурса и для ее реализации используется как сам текст, так и невербальные риторические средства убеждения, такие как голос говорящего, интонация, поза, язык тела, движение глаз и др., которые были детально описаны в работе М. Аткинсона (Atkinson 1984). Тем не менее, по мнению автора, несмотря на значимость данной работы, исследователи политической риторики в последнее время уделяют недостаточно внимания невербальным средствам убеждения, сосредотачиваясь исключительно на анализе текста. Цель данной статьи — предложить пути к созданию интегрированной модели анализа политического дискурса. Вместо того, чтобы анализировать отдельные особенности политического дискурса, которые уже были объектом многочисленных исследований — метафора, оценка, оскорбление, юмор и др., данная модель нацелена на комплексное описание как вербальных, так и невербальных/мультимодальных особенностей политического дискурса, являясь инструментом анализа, учитывающим возможный прагматический эффект. Использование данной модели показано автором на примере обращения Билла Клинтона к американскому народу в связи со скандалом, связанным с Моникой Левински.

Три последующие статьи представляются крайне своевременными в свете недавних политических событий, все они анализируют выступления кандидатов на пост президента США в избирательной кампании 2016 г.

Justin Quam and Marianna Ryshina-Pankova explore the language of newly elected US president Donald Trump, comparing it with that of the beaten Democrat candidate, Hillary Clinton, and her fellow Democrat, Bernie Sanders. The chapter, in fact, may help account for the success of Trump's electoral/rhetorical strategy. Throughout the 2016 campaign, as is well-known, presidential candidate Donald Trump provoked surprise by his ability to maintain his popularity in the face of an apparently unending sequence of gaffes, damaging revelations and statements that were likely to cause offence. Despite alienating important figures in his own party, Trump's electoral chances were bolstered by his ability to appeal to a large segment of voters unreached by his rival candidate. The chapter uses the framework of Engagement, developed by Martin and White within the paradigm of Systemic Functional Linguistics (White, 2003; Martin and White, 2005), to explore the patterns of alignment of the three candidates with their audiences. The chapter, in this respect, follows work on a similar topic, by Miller (e.g. 2004). Analysis of the speeches of Trump, Clinton, and Sanders reveals different patterns of interaction with voters in terms of the use of expansive and contractive dialogic strategies. Trump's speeches feature, in fact, a constrained dialogical space in which alternative opinions to the speaker's are not recognised. Clinton and Sanders, by contrast, frequently engage with other views, in patterns of 'dialogical expansion'. These patterns depend, to a degree, on

Дж. Куам и М. Рышина-Панькова (Вашингтон, США) исследуют язык недавно избранного Президента США Дональда Трампа, сравнивая его с кандидатами от демократов Хиллари Клинтон и Берни Сандерсом. Результаты проведенного исследования, которые авторы изложили в статье "*Let Me Tell You...*": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump, Clinton, and Sanders: («*Вот что я вам скажу...*": Стратегии сближения с аудиторией в предвыборной речи Трампа, Сандерса и Клинтон») на самом деле могут помочь объяснить успех избирательной/риторической стратегии Трампа. Как хорошо известно, на протяжении всего 2016 г. кампании кандидат в президенты Дональд Трамп не переставал удивлять способностью поддерживать свою популярность, несмотря на, казалось бы, бесконечные неуместные замечания, дискредитирующие откровения и заявления, которые могли восприниматься как оскорбление. Оказавшись без поддержки ключевых фигур республиканской партии, Трамп смог заручиться поддержкой значительной части избирателей, до которых не смогли достучаться его соперники. Для изучения приемов общения трех кандидатов со своей аудиторией авторы используют модель взаимодействия ('framework of Engagement'), разработанную в рамках системно-функциональной лингвистики (White 2003; Martin and White 2005). Данная статья продолжает исследование по аналогичной теме Д. Миллер (Miller 2004). Анализ выступлений Трампа, Клинтон и Сандерса выявляет различные модели взаимодействия с избирателями с точки зрения использования диалогических стратегий расширения и сжатия. Особенностью выступлений Трампа является ограниченное диалогическое пространство, в котором нет места другим точкам зрения. Клинтон

shared assumptions between audience and speaker, as signalled by Trump's use of vague phrases such as "You look at what's going on". The authors conclude that Trump's rhetorical style is simpler and more forceful than his opponents, which may not guarantee him electoral success (in fact, with hindsight it may have played a role), but certainly mark him out from the other two as a non-professional politician.

Yana Volkova and Nadezhda Panchenko develop the topic of destructiveness in communication, interest in which is caused by the growing manifestation of aggression in different types of discourse. The authors clarify the concept of destructiveness with respect to the political discourse and relate it to the concept of aggressiveness. The study is based on the theory of discourse analysis and destructive theory (van Dijk, Fromm, Ponton, Hacker, Weiss, Wodak, Karasik, Makarov, Fromm, Sheigal etc.). The results of the analysis of verbal and non-verbal means of destructiveness revealed in the speeches of candidate for the US presidency have enabled the authors to conclude that the offensive behaviour of politicians is not a result of their spontaneous emotional outburst, but rather an elaborate destructive strategy used in order to fight for power, to lower the opponent's status and deteriorate his/her public image.

Anna Gornostayeva also focuses on the recent US election, drawing attention to another strategy used by the two main candidates for the US presidency and other prominent American political and public figures. She menti-

и Сандерс, напротив, часто использовали иные точки зрения, прибегая к стратегии «диалогического расширения». Выбор тех или иных моделей зависит от степени общности взглядов оратора и аудитории (как, например, фраза Трампа "You look at what's going on" / «Вы посмотрите, что происходит»). Авторы пришли к выводу, что риторический стиль Трампа более простой и напористый, чем у его оппонентов, что вряд ли обеспечит ему успех на выборах (на самом деле, задним числом, возможно, как раз это и помогло ему одержать победу), но, безусловно, выделяет его как непрофессионального политика в отличие от оппонентов.

Тему деструктивности в коммуникации, интерес к которой вызван нарастающим проявлением агрессивности в различных типах дискурса, развивают **Я.А. Волкова и Н.Н. Панченко** (Волгоград, Россия) в статье «*Деструктивность в политическом дискурсе*». Авторы уточняют понятие деструктивности по отношению к политическому дискурсу и соотносят его с родственным понятием агрессивности. Исследование базируется на теории дискурс-анализа и теории деструктивности (Т. van Dijk, Е. Fromm, D. Ponton, К. Hacker, Weiss R. Wodak, Ван Дейк, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Э. Фромм, Е.И. Шейгал и др.). Результаты проведенного анализа вербальных и невербальных средств деструктивности в выступлениях кандидатов на пост президента США позволили авторам прийти к выводу, что оскорбительные действия политиков — результат не спонтанного эмоционального всплеска, а тщательно продуманной деструктивной стратегии, используемой в целях борьбы за власть, понижения статуса оппонента и ухудшения его публичного имиджа.

А.А. Горностаева (Москва, Россия) в статье "*American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016*"

ons that irony in the sphere of political discourse has a long tradition, dating back to Cicero and beyond. Beginning with the far from simple task of defining irony, she calls it a speech genre which is based on language manipulation, presupposing the use of a word, expression or saying in a sense, different from literal. She provides a classification of different types of irony, showing that it is capable of serving various pragmatic functions, among which are exaggeration, understatement and correction. In the author's account, Trump's notorious threat to have Hillary locked up if he won the election was an instance of 'ironic exaggeration'. In the political context, an ability to use irony is regarded as a fundamental weapon in the speaker's persuasive armoury, reducing distance between the politician and the general public. A talent for irony may be a significant aspect of a politician's charisma, though it may also serve a defensive purpose, warding off damage to the politician's face, or defusing moments of tension. It would appear that even a relatively sober political personality such as Hillary Clinton is obliged to use irony from time to time; while, for more expansive characters such as her husband or Donald Trump, irony is one of their most significant rhetorical tools, enabling them to attack opponents, defend themselves, and curry favour with the public at large.

Our current discussion of discourse analysis, theoretical approaches to it and current research pathways is not yet finished, however. We will continue it in the next issue, which will also be devo-

(«Американский политический дискурс: ирония в предвыборной кампании 2016») рассматривает еще одну стратегию, используемую двумя основными кандидатами на пост президента США, а также другими политическими и публичными деятелями. Автор отмечает давнюю традицию употребления иронии в политическом дискурсе, уходящую корнями в риторику Цицерона и более ранних ораторов. Начиная с непростой задачи — определения иронии, автор характеризует ее как речевой жанр, основанный на употреблении слова, выражения или высказывания в смысле, отличном от буквального. В статье представлена классификация различных типов иронии в зависимости от прагматических функций, среди которых выделяются гипербола, литота и корректирующая функция. По мнению автора, знаменитая угроза Трампа арестовать Хиллари в случае его победы на выборах является «иронической гиперболой». В политическом контексте умение оратора использовать иронию может служить мощным оружием убеждения, сокращая дистанцию между говорящим и аудиторией. Ироничность — важная особенность харизмы политика. В то же время ирония может выполнять функцию защиты, помогая «сохранить лицо» и сгладить острые моменты. Результаты проведенного исследования показали, что даже такой трезвый и расчетливый политик, как Хиллари Клинтон, вынуждена время от времени использовать иронию. В то же время Дональд Трамп прибегает к иронии как к одному из важнейших приемов риторики, который позволяет ему атаковать оппонентов, защищаться и придавать особый колорит своим выступлениям на публике.

На этом мы не завершаем нашу дискуссию о дискурсе, подходах и направлениях его исследования. Мы ее продолжим

ted to the study of discourse analysis, because of the positive response solicited by our call, and the great interest shown in the topic by our authors, for whose support we are sincerely grateful. в следующем номере, который также будет посвящен анализу дискурса благодаря поддержке наших авторов и большому интересу к данной теме, за что мы всех сердечно благодарим.

© Douglas Mark Ponton, Tatiana Larina, 2016

© Т.В. Ларина, Дуглас Марк Понтон, 2016

REFERENCES / БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой лингвистический словарь. М.: Большая Рос. Энцикл., 1998. С. 136—137. [Arutyunova, N.D. (1998). *Diskours. Yazikoznanie. Bol'shoi lingvisticheskii slovar'*. M.: Bol'shaya Ros. Entsikl. 136—137. (In Russ).]
- Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества* / сост. С.Г. Бочаров. 2-е Изд. М.: Искусство, 1986. С. 381—393. [Bakhtin M.M. (1979). *Eстетика slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ).]
- Бобырева Е.В. *Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии* (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007. [Bobyreva, Ye.V. *Religioznyy diskours: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)*. Volgograd: Peremena. (In Russ).]
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Метафора в политическом интердискурсе*: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. [Budaev, E.V., Chudinov A.P. (2006). *Metaphora v politicheskom interdiskourse*. Yekaterinburg: Ural. Gos. Ped. Un-t. (In Russ).]
- Дейк Т.А. ван. Принципы критического анализа дискурса / пер. с англ. // *Перевод и лингвистика текста*. М.: ВЦП, 1994. С. 169—217. [Van Dijk, Teun A. (1994). *Printsipi kriticheskogo analiza diskoursa / Perevod i lingvistika texta*. M: VTSP. 169—217. (In Russ).]
- Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // *Язык. Личность*. Текст: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34—55. [Demyankov, V.Z. (2005). *Text i diskourse kak termini i kak slova obidenogo Yazika. Yazik. Lichnost'*. Text: Sbornik k 70-letiu T.M. Nikolaevoy. M.: Yaziki Slavyanskikh kul'tur. 34—55. (In Russ).]
- Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты*: колл. монография / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М.: 2014. [Diskours and styl': *teoreticheskie i prikladnie aspekti*. In G.Ya. Solganik, N.I. Klushina, N.V. Smirnova (eds). 2014. Moscow. (In Russ).]
- Дубровская Т.В. *Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков)*. М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. [Dubrovskaya, T.V. (2010). *Sudebnyy diskours: rechevoe podedenie sud'i (na materiale russkogo i angliiskogo yazikov)*. M.: Izd-vo 'Akademia MNEPU'. (In Russ).]

- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, V.I. (2014). *Yazykovoy krug: Lichnost', concepti, diskours*. Volgograd: Paradigma. (In Russ).]
- Кашкин В.Б. *Введение в теорию дискурса*. М.: Восточная книга, 2010. [Kashkin, V.B. (2010). *Vvedenie v teoriyu diskoursa*. М.: Vostochnaya kniga. (In Russ).]
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Larina, T.V. (2009). *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnyh traditsii*. М.: Yazyki Slavyanskikh kul'tur. (In Russ).]
- Ларина Т.В. *Основы межкультурной коммуникации*. М.: Издательский центр «Академия», 2017. [Larina, T.V. (2017). *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii*. М.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». (In Russ).]
- Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // *Труды по знаковым системам*. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 227—243. [Lotman, Yu.M. (1973). O dvukh modelyakh kommunikatsii v systeme kul'turi. *Izbranii trudi*. Tartu, 227—243. (In Russ).]
- Лутовинова О.В. *Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса*. Волгоград: Перемена, 2009. [Lutovinova, O.V. (2009). *Lingvokulturologicheskie kharakteristiki virtualnogo diskoursa*. Volgograd: Peremena. (In Russ).]
- Макаров М.Л. *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис, 2003. [Makarov, M.L. (2003). *Osnovi teorii diskoursa*. М.: Gnozis. (In Russ).]
- Олянич А.В. *Презентационная теория дискурса*. Волгоград: Парадигма, 2004. [Olyanich, A.V. (2004). *Prezentatsionnaya teorii diskoursa*. Volgograd: Paradigma. (In Russ).]
- Савицкий В.М. *Порождение речи: дискурсивный подход*. Самара: Поволжск. гос. соц.-гуманит. академия, 2013. [Savickiy, V.M. (2013). *Porojdenie rechi: diskoursivnii podkhod*. Samara: Povolj. sots. Gumanitar. Academia. (In Russ).]
- Седов К.Ф. *Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. [Sedov, K.F. (1999). *Stanovlenie diskoursivnogo mishleniya yazikovoy lichnosti: psycho i sotciolingvusticheskii aspekti*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. (In Russ).]
- Слышкин Г.Г. *Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. М.: Academia, 2000. [Slyshkin, G.G. (2000). *Lingvokul'turnye contseptyy pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskourse*. Moscow: Academia. (In Russ).]
- Тюпа В.И. *Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике*. М.: Языки славянских культур, 2010. [Tyupa, V.I. (2010). *Discoursnii formatsii: Ocherki po korporativnoi ritorike*. М.: Yazyki Slavyanskikh kul'tur. (In Russ).]
- Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994. [From, E. (1994). *Anatomia chelovecheskoy destruktivnosti*. М.: Respublika. (In Russ).]
- Чернявская В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия*. М.: Флинта, 2012. [Chernyavskaya, V.Ye. (2012). *Diskours vlasti i vlast' diskoursa*. М.: Flinta. (In Russ).]

- Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, 2004. [Sheigal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskoursa*. М: Gnozis. (In Russ).]
- Alba-Juez, Laura. (2009). *Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice*. Cambridge Scholars Publishing.
- Alba-Juez, Laura. (2014). Irony as Inferred Contradiction. *Russian Journal of Linguistics*. 4. 140—153.
- Alba-Juez, Laura and J.Lachlan Mackenzie. (2016). *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*. Madrid: McGraw-Hill.
- Atkinson, M. (1984). *Our masters' voices*. London and New York: Methuen.
- Brown, Gillian and Yule, George 1983. *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bublitz, Wolfram and Norrick, Neal R. (2011). The burgeoning field of pragmatics. In Wolfram Bublitz and Neal R. Norrick (eds.), *Foundations of pragmatics*, 1—20. Berlin: De Gruyter Mouton.
- de Beaugrande, R. and Dressler, W. (1981). *Introduction to Text Linguistics*. London and New York: Longman.
- Fairclough, Norman. (2001). *Language and power*. (2nd edition). London and New York: Routledge.
- Fairclough, Norman. (2010). *Critical discourse analysis: the critical study of language*. London and New York: Routledge.
- Fairclough, Isabella and Fairclough, Norman. (2012). *Political discourse analysis: a manual for advanced students*. London: Routledge.
- Foucault, Michel. (1963). *Naissance de la clinique: une archeologie du regard medical*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Giora, Rachel. (2003). *On Our Mind: Salience context and figurative language*. New York: Oxford University Press.
- Hacker, Kenneth L. (1996). Political Linguistic Discourse Analysis. *The Theory and Practice of Political Communication Research*. NY: State University of New York Press. 28—55.
- Habermas, J. (1984). The Theory of Communicative Action. Vol.1. *Reason and the Rationalization of Society*. L.: Heinemann.
- Halliday, M.A.K. (1978). *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Arnold.
- Jørgensen, Marianne and Phillips, Louise. (2002). *Discourse analysis as theory and method*. London, Thousand Oaks and New Delhi: Sage.
- Kecskes, Istvan. (2014). Word, Context and Communication Meaning. *Russian Journal of Linguistics*. 4. 40—153.
- Kecskes, Istvan. (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford, UK: Oxford University Press.

- Larina, Tatiana. (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, Volume 7, number 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres. 195—215.
- Martin, J.R., and White, Peter R.R. (2005). *The language of evaluation*. London: Palgrave Macmillan.
- Miller, Donna, Rose. (2004). "...to meet our common challenge": ENGAGEMENT strategies of alignment and alienation in current US international discourse. *Textus*, 18(1). 39—62.
- Mills, Sara. (1997). *Discourse*. London and New York: Routledge.
- Ponton, Douglas M. (2010). The Female Political Leader: a Study of Gender-identity in the Case of Margaret Thatcher. *Journal of Language and Politics*, Vol. 9 (2), 195—218.
- Ponton, Douglas M. (2014). The Pragmatics of the Handshake: A Politeness Index in British and Italian Usage. *Russian Journal of Linguistics*. 4. 60—75.
- Sinclair, John and Coulthard, Malcolm. (1975). *Towards an analysis of discourse: the English used by pupils and teachers*. Oxford University Press: Oxford.
- Van Dijk, Teun A. (2003). The discourse-knowledge interface. In Weiss, Gilbert and Wodak, Ruth (eds) *Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
- Verdoolaege, Annelies. (2008). *Reconciliation discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Weiss, Gilbert, Wodak, Ruth. (2003). Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis. In G. Weiss and R. Wodak (Eds), *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity* (pp. 1—32). Palgrave Macmillan Ltd.
- White, Peter R.R. (2003). Beyond modality and hedging: a dialogic view of the language of intersubjective stance. *Text*, 23(2). 259—284.
- Wodak, Ruth. (2001). The discourse-historical approach. In Wodak, Ruth and Meyer, Michael (eds) *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage, 63—95.

For citation:

Ponton D., Larina T. (2016). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 7—25.

Bio Note:

Douglas M. Ponton, DSc, Associate Professor at University of Catania (Italy). *Research Interests:* Pragmatics, Semantics, Discourse Analysis. *Contact information:* www.researchgate.net/profile/Douglas_Ponton; e-mail: dmponton@hotmail.co.uk

Для цитирования:

Понтон Д., Ларина Т.В. (2016). Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (I). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 20 (4), 7—25.

Сведения об авторе:

Дуглас Марк Понтон, доктор, доцент, Университет Катании (Италия). *Сфера научных интересов:* прагматика, семантика, анализ дискурса. *Контактная информация:* www.researchgate.net/profile/Douglas_Ponton; e-mail: dmponton@hotmail.co.uk

Tatiana V. Larina, DSc, Professor at RUDN University, Editor-in-Chief of *Russian Journal of Linguistics*. *Research interests*: Pragmatics, Discourse Theory, Theory of Politeness/Impoliteness, Intercultural Communication. *Contact information*: e-mail: tatiana.larina.@pfur.ru

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. *Сфера научных интересов*: прагматика, теория дискурса, теория вежливости/невежливости, межкультурная коммуникация. *Контактная информация*: tatiana.larina.@pfur.ru